

За лучинку и поцѣлуй.

(Изъ жизни генерала Фадѣева).

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, находясь на службѣ въ С.-Петербургѣ, мнѣ приходилось посѣщать, хотя и не особенно часто, моего дальняго родственника генерала-отъ-артиллеріи Александра Александровича Фадѣева¹⁾, въ то время проживавшаго на Сергіевской улицѣ въ собственномъ домѣ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній у насъ почему-то зашелъ разговоръ, слѣдуетъ ли или нѣтъ арестовывать офицеровъ съ посаженіемъ на гауптвахту. По этому поводу Александръ Александровичъ разсказалъ мнѣ то, что съ нимъ произошло въ 30-хъ годахъ, когда онъ состоялъ репетиторомъ и дежурнымъ офицеромъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ.

Въ тѣ времена каждое воскресенье во дворецъ Вел. Князя Михаила Павловича являлись ординарцы юнкера отъ училища, и, конечно, при ихъ представленіи всегда присутствовало все ближайшее начальство.

Въ одинъ изъ такихъ воскресныхъ дней вся группа съ дежурнымъ офицеромъ поручикомъ Фадѣевымъ была построена въ одной изъ залъ и ожидала появленія Великаго Князя.

Послѣ обычнаго рапорта Великій Князь имѣлъ обыкновеніе лично командовать юнкерамъ: „ранцы долой“,—что означало, что юнкерамъ будетъ дано угощеніе.

По этой командѣ исполненіе снятія ранцевъ происходило по

¹⁾ Алек. Алек. Фадѣевъ, офицеръ съ 1 января 1829 г., былъ профессоромъ химіи въ артил. академіи и послѣдніе годы членомъ Александров. ком. о раненыхъ, ум. въ 1894 г.

нѣсколькимъ приемамъ, при чемъ пристежка ранцевъ къ ремнямъ держалась на деревянныхъ, точеныхъ штивтикахъ, которые на обычномъ языкѣ назывались „лучинками“.

Когда юнкера начали отрывисто, имѣя счетъ про себя, снимать ранцы, то у одного изъ нихъ сломалась вышеуказанная „лучинка“ и ранецъ, сорвавшись съ плечъ, покотился по скользкому паркету. Подобный непорядокъ вызвалъ неудовольствіе Великаго Князя, и онъ, указывая пальцемъ на лежавшій у ногъ его ранецъ, воскликнулъ: „Это что такое!“.

Результатомъ сего случая было то, что Фадѣевъ очутился прямо изъ дворца на гауптвахтѣ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Не прошло и $\frac{1}{4}$ часа, какъ поручикъ Фадѣевъ былъ водворенъ на гауптвахтѣ, гдѣ караульный начальникъ, офицеръ Преображенскаго полка, успѣлъ уже высказать ему слова утѣшенія, какъ дверь снова растворилась и въ помещеніе былъ введенъ какой-то цивильный, державшій себя болѣе чѣмъ сконфуженно. Этотъ статскій господинъ, послѣ быстро совершенныхъ формальностей по приему, сѣлъ на скамейку рядомъ съ Фадѣевымъ. Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Наконецъ, Фадѣевъ заговорилъ съ нимъ первый, обращаясь съ естественнымъ въ подобномъ положеніи вопросомъ:

— „Позвольте узнать за что вы сюда попали“?

— „За поцѣлуй“.

— „Какъ за поцѣлуй? Кого же вы поцѣловали?“

— „Никого не цѣловалъ“.

— „Ну, такъ, васъ кто-либо поцѣловалъ?“.

— „И меня никто не цѣловалъ, а дѣло въ томъ, что я, отвѣтилъ статскій, какъ цензоръ, пропустилъ въ печать стихотвореніе „Поцѣлуй“. Митрополитъ и поднялъ всѣхъ на ноги за фразу сказанную въ этомъ стихотвореніи: „За поцѣлуй отдамъ полцарства“.

Послѣ маленькой паузы и цензоръ въ свою очередь спросилъ Фадѣева: „а вы за что здѣсь?“—За лучинку.

— „Какъ за лучинку? За какую лучинку?“ И Фадѣевъ ему рассказалъ, что уже извѣстно читателю.

Цензоромъ оказался извѣстный Никитенко, который впоследствии, благодаря здѣсь начавшемуся знакомству, былъ приглашенъ читать русскую словесность въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и академіи.

Сообщено Д. Ф. Девель.

